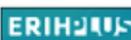

Осьмухина О. Ю. Концепция пути в романах «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы / О. Ю. Осьмухина, О. С. Сухих // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 316—330. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330.

Osmukhina, O. Yu., Sukhikh, O. S. (2022). Concept of Path in Novels “The Way of Muri” by Ilya Boyashov and “Chronicles of a Stray Cat” by Hiro Arikawa. *Nauchnyi dialog*, 11(2): 316-330. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330

**Концепция пути в романах
«Путь Мури» Ильи
Бояшова
и «Хроники
странствующего
кота» Хиро Арикавы**

Осьмухина Ольга Юрьевна¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793

доктор филологических наук,
профессор,

заведующий кафедрой русской
и зарубежной литературы
osmukhina@inbox.ru

Сухих Ольга Станиславовна²

orcid.org/0000-0002-1670-880X

доктор филологических наук, доцент
кафедра русской литературы
ruslitxx@list.ru

¹ Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

² Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

**Concept of Path in Novels
“The Way of Muri”
by Ilya Boyashov and
“Chronicles of a Stray Cat”
by Hiro Arikawa**

Olga Yu. Osmukhina¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

Olga S. Sukhikh²

orcid.org/0000-0002-1670-880X

Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian Literature
ruslitxx@list.ru

¹ National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

² National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются романы «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы с точки зрения концепции пути. Анализируется взаимосвязь мотива дороги с образом животного. Сравнительно-исторический метод исследования позволяет выявить наличие значимых параллелей в проблематике и поэтике произведений. Установлено, что образ дороги, традиционно символизирующий жизненный путь, в романах И. Бояшова и Х. Арикавы актуализируется по отношению к животному, а не только к человеку. Животные и люди в этих произведениях в поисках дома как своего места в жизни проходят определённый путь и в пространственном отношении, и во временном, и в психологическом. В том и в другом романе животное обладает способностью самостоятельно принимать решения и иметь свою дорогу в жизни, однако при этом его путь неразрывно связан с судьбами людей, которые для него олицетворяют собой дом, родное пространство, гармонию бытия. Как И. Бояшов, так и Х. Арикава осмысливают путь как суть бытия и полагают его одной из констант жизни и человека, и животного.

Ключевые слова:

Илья Бояшов; Хиро Арикава; путь; дорога; образ кота; символ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novels “The Way of Muri” by Ilya Boyashov and “Chronicles of a Stray Cat” by Hiro Arikawa from the point of view of the concept of the path are examined in the article. The relationship between the motive of the road and the image of the animal is analyzed. The comparative-historical method of research makes it possible to reveal the presence of significant parallels in the problems and poetics of the works. It has been established that the image of the road, traditionally symbolizing the path of life, in the novels of I. Boyashov and H. Arikawa is actualized in relation to the animal, and not only to man. Animals and people in these works, in search of a home as their place in life, go through a certain path both in terms of space, and in time, and in psychological terms. In both novels, the animal has the ability to make decisions on its own and have its own path in life, but at the same time, its path is inextricably linked with the fate of people who for it personify the home, native space, the harmony of being. Both I. Boyashov and H. Arikawa comprehend the way as the essence of being and consider it one of the constants of life for both man and animal.

Key words:

Ilya Boyashov; Hiro Arikawa; path; road; the image of a cat; symbol.

Концепция пути в романах «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы

© Осьмухина О. Ю., Сухих О. С., 2022

1. Введение = Introduction

Актуальность настоящего исследования объясняется непреходящим значением проблемы межкультурных связей и перекличек: её осмысление приближает нас к пониманию единства мира как *целого*, воплощённого в *различном*. Наиболее показательными, на наш взгляд, в этом контексте становятся романы «Путь Мури» российского прозаика Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» японской писательницы Хиро Арикавы, объединенные не только мотивом пути, что заявлено уже в заглавиях, но и образом кота. Подчеркнем, что философия пути, репрезентированная и Бояшовым, и Арикавой, раскрывает путь не только человека, но и — даже в большей степени — животного.

Концепция пути в романах И. Бояшова «Путь Мури» и Х. Арикавы «Хроники странствующего кота» в сравнительно-сопоставительном аспекте ранее не анализировалась литературоведами, чем и определяется научная новизна нашей работы.

Целью нашего исследования является анализ художественно значимых для обоих прозаиков элементов концепции пути: сам образ дороги в философском ключе — смысл пути; функции мотива пути в построении сюжетов романов и в раскрытии характеров персонажей, в осмыслении взаимоотношений человека и животного, соотношения их жизненных дорог. Принципиально значимым, кроме того, явился для нас и анализ образа дома — и в прямом, и в метафорическом смысле — как истинной цели странствий героев, а также осмысление различных аспектов пути (пространственного, временного и психологического), которые в сочетании друг с другом позволяют трактовать путь как внутренний смысл бытия любого живого существа.

Роман Х. Арикавы «Хроники странствующего кота» в переводе на русский язык был опубликован в нашей стране в 2019 году, и отклики на него, за исключением указания на его философскую сторону С. Чуприниным [Чупринин, 2009], пока представляют собой лишь рецензии и отзывы читателей, в которых чаще всего обращается внимание на гуманистический пафос произведения и на обаятельный образ кота Нана, оказавшегося подлинным другом и наперсником своего хозяина Сатору. Роман И. Бояшо-

ва, ставший в 2007 году лауреатом премии «Национальный бестселлер», напротив, вызвал заинтересованную реакцию не только читателей, блогеров, но и литературоведов, среди которых, например, А. Ю. Мережинская, автор статьи, где анализируется мифологизация как творческая стратегия И. Бояшова [Мережинская, 2013]. Есть и журналистские интерпретации этого романа, например, работа Е. Чернаковой [Чернакова, 2014], где делается вывод о знаковом характере мотива пути в творчестве И. Бояшова в целом. Отметим, что опорой нашего исследования стали, кроме того, работы не только литературоведческого характера [Божкова и др., 2018; Жиндеева и др., 2014], но и культурологического плана, в которых осмыслена специфика образа животного, в частности, образа кота / кошки в мифологии и культуре [Гордеева, 2016; Гура, 2019; Киселёва, 2017; Кондаков, 2014; Сомкина, 2008; Шапинская, 2017].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Использование сравнительно-исторического метода в нашем исследовании мотивировано его целью и материалом. На основе трудов И. Г. Гердера, Дж. Бенфея, Ф. Буслаева, А. Веселовского в XX веке В. Жирмунский, И. Неупокоева и др. «предложили сравнивать литературы не только схожих исторических общностей, но и <...> далеко отстоящие друг от друга» [Галай, 2011], как, например, русская и японская литературы, о представителях которых пойдёт речь ниже. Это важный аспект исследований в эпоху осознания мира как единства разных культур, когда компаративистика активно используется в таких сферах, как политика, экономика, теория культуры [Шайтанов, 2005]. Одной из ведущих областей её применения остаётся литературоведение, раскрывающее взаимосвязи различных национальных литератур на уровне не только общих тенденций, но и конкретных образов, мотивов, сюжетных составляющих, что особенно важно для нашего исследования.

Произведения И. Бояшова и Х. Арикавы принадлежат к различным культурным традициям, что не исключает общности мотивов, подходов, тем более образ кота / кошки пользуется вниманием как в России, так и в Японии: весьма символично, к примеру, что в последнее время и в нашей стране обрела популярность фигурка манэки-нэко («манящей» кошки-талисмана), давно ставшая элементом японской культуры [Гордеева, 2016]. Хотя изначально кошка «не являлась аборигеном Японии», здесь её образ приобрёл своё символическое значение [Сомкина, 2008, с. 103], которое теперь стало приживаться и у нас. Кошка — одно из самых популярных животных, его образ — «важная часть современной русской культуры» [Киселёва, 2017, с. 107], «один из самых распространённых второстепен-

ных образов в современной русской литературе» [Жиндеева и др., 2014, с. 931], и не только: он имеет серьёзное значение для мировой культуры в целом, а в некоторых исследованиях утверждается, что ему принадлежит ни много ни мало, но «центральное место в истории русской и мировой культуры» [Кондаков, 2014, с. 125].

Образ кота, имеющего своё мировосприятие и осмысленный путь в жизни, привлёк как Илью Бояшова, так и Хиро Арикаву и получил в их произведениях символическое значение, причем во многом сходное. Параллели в сюжетах и образных системах, по-видимому, являются типологическими: мы не можем утверждать, что Х. Арикава знакома с произведением русского прозаика, написанным за несколько лет до её романа. Однако это лишь доказывает общность взглядов писателей на категорию пути в целом и на осмысление пути животного, в частности. Сравнительно-историческое исследование в данном случае — наиболее адекватный метод анализа, позволяющий отметить сюжетно-тематические, мотивные, образные переключки в романах, принадлежащих к принципиально разным культурным традициям.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Подходы к изображению образа животного в литературе и романы И. Бояшова и Х. Арикавы

В литературе сложились два подхода к изображению анималистических образов. Первый заключается в том, чтобы описывать животное «человеченным», объяснять его поведение мотивировками, которые близки человеку, моделировать мысли животного, его намерения, психологические реакции, — так создаётся, к примеру, образ Шарика в «Собачьем сердце» М. Булгакова. Этот принцип имеет своё объяснение: он изначально был основан «на вере в общность происхождения человека и животного» [Шапинская, 2017]. Второй подход состоит в том, чтобы изображать животное как часть природного мира, на который люди смотрят как на родственный, но всё же извне, не приписывая ему человеческих черт, — вспомним в качестве примера, скажем, рассказ К. Паустовского «Кот-ворюга».

Илья Бояшов и Хиро Арикава используют первый из названных подходов, который наиболее распространён в литературе XX—XXI веков, впрочем, он и всегда был популярен [Шапинская, 2017]. С этим связана специфика мотива пути, лежащего в основе сюжетов произведений, в названии одного из которых по отношению к животному использовано слово «*путь*», а в заглавии другого — «*странствующий*».

Образ дороги традиционно прочитывается как символ жизненного пути, судьбы. Обычно эти понятия связываются с человеком: для него характерно стремление осмыслить собственную «дорогу». В романах «Путь Мури» и

«Хроники странствующего кота» речь идёт о жизненном пути животного, но, поскольку его образ несёт в себе антропоморфные черты, можно говорить о пути в философском смысле, отсылающем, кстати, к буддизму.

Так, в романе И. Бояшова есть ответвление сюжета, посвященное дороге и судьбе паломника-тибетца Тонга Рампы, проходящего между Озером Смерти и Озером Жизни и достигающего «центра тайн и невидимых энергий» [Бояшов, 2007, с. 220], а вместе с этим — и успокоения, ощущения полного счастья, когда больше уже ничего в жизни не надо, — можно сказать, нирваны. Паломничество, являющееся для буддистов «важнейшей частью религиозной жизни» [Зайцев, 2017, с. 127], — путь к духовной благодати, что и подтверждает образ Тонга Рампы. Этот персонаж — один из двойников кота Мури, тоже без страха и колебаний идущего вперёд и достигающего полного морального удовлетворения, своеобразной нирваны. Оба ставят эту цель выше любых эмоций, а потому ничего не боятся, не задумываются ни об опасности, ни о смерти. В романе Х. Арикавы кот Нана также с философским спокойствием совершает свой путь и, осмысливая проблему жизни и смерти, не испытывает страха, и это близко к буддийскому мировоззрению, в котором жизнь — «колесо» страданий, а «ценным утверждается то, что связано с покоем, вечностью» [Баева, 2003]. В буддизме система духовных практик, называемая «постепенный путь», ведёт к освобождению, к преодолению страданий, она «предназначена для любого живого существа» [Урбанаева, 2016], хотя более всего подходит человеку. В целом «буддийская логика» предполагает понимание жизни как «изменчивого потока преходящих явлений и их конечного вечного успокоения в нирване» [Щербатской, 1988, с. 55], и в этом смысле нет принципиальной разницы между человеком и другим живым существом. В этом контексте неудивительно обращение авторов к повествованию о пути животного.

3.2. Сюжетообразующая и характерологическая функции мотива пути в романах И. Бояшова и Х. Арикавы

Сюжетная роль мотива пути в этих произведениях является организующей. Он позволяет использовать принцип нанизывания эпизодов, каждый из которых обладает относительной самостоятельностью, однако в то же время каждый — определённый этап пути. Писатели выстраивают повествование таким образом, что герои в дороге сталкиваются с разными людьми, животными, попадают и в опасные, и в комичные ситуации, и каждый раз вместе с ними читатель обретает новый опыт, знание о жизни, впечатления и эмоции.

При этом сюжетная конструкция нанизывания эпизодов способствует раскрытию характера не только главного героя, но и второстепенных

персонажей, поскольку в обоих произведениях существуют ответвления от основных сюжетных линий.

В «Пути Мури» автор лаконично обрисовывает жизненные пути лидера еврейской общины Якова, астронома Патича, водителя грузовика Зонжича, герра Хелемке и др.; несколькими штрихами намечена дорога жестокого, эгоистичного и глупого сына фермера, всего один эпизод из его жизни даёт представление не только о его прошлом и настоящем, но и о вероятном будущем. Эти ответвления сюжета связаны с образом главного героя: речь идёт о людях, которых Мури встречает на своём пути, узнаёт их характеры и судьбы. Однако есть и другие «ростки» сюжетных линий, связанные с сюжетом романа лишь самим мотивом пути: это истории стремящегося к полётам шейха, тибетца, кашалота Дика, учёных Стаута и Беланже. Автор как бы поднимается над судьбой конкретного героя и смотрит на мир в целом, видя его в движении физическом и духовном, в стремлении к чему-то — в самом процессе жизни.

В «Хрониках странствующего кота» основа сюжета — путешествие Сатору и Нана, однако внутренний сюжет более сложен. Перед читателем в ретроспекции разворачивается несколько историй, несколько жизненных путей. Общая канва — повествование о «дороге» кота Нана. Параллельно прослеживается судьба Сатору: автор сначала показывает героя в настоящем, потом перебрасывает действие в прошлое, и уже от него мы движемся по пути воспоминаний героя вновь к настоящему. Перед нами открываются и жизненные дороги второстепенных персонажей. Прозаик постепенно «прорисовывает» картину жизни Коскэ, с которым Сатору дружил в детстве, затем показывает, как складывалась судьба и формировался характер Ёсиминэ, с которым герой духовно сблизился в подростковый период, потом следует дорога-судьба супругов Суги, друзей героя в юношеские годы, и, наконец, история Норико, ставшей опекуном Сатору. Пути разных персонажей как будто вливаются в сюжет: каждый отдельный путь берёт начало где-то за пределами повествования и постепенно входит в его ткань, занимает своё место в общей картине, основу которой составляет странствие Сатору и его кота.

3.3. Специфика взаимоотношений животного с человеком в контексте единого жизненного пути у Бояшова и Арикавы

Наличие в обоих произведениях мотива пути — как в сюжетном, так и в философском смысле — и связь этого мотива с образом кота не могут не породить ассоциацию с котом, который гуляет сам по себе в сказке Р. Киплинга, где одной из ключевых является проблема взаимоотношений человека и животного. Отечественный читатель благодаря переводу К. Чуковского привык к другой формулировке: «Кошка, гуляющая сама по

себе», хотя героем Р. Киплинга является именно кот — это многое объясняет в том, как сложились взаимоотношения этого героя с Женщиной и с Мужчиной [Мостепанов, 2011]. В романе И. Бояшова такой мотив не присутствует: Мури безразлично, мужчина или женщина кормит его и даёт пристанище, — это может быть и астроном Петко Патич, и хозяйка хутора Марта; для главного героя встреча с любым из людей — это лишь «ресурс» для восстановления сил и продолжения пути, ни к кому из них он не привязывается. Ему нужны именно те «двуногие», которые изначально ему «прислуживали»: предоставляли кресло, плед и миску с молоком. И даже когда Мури находит ту самую семью, он не выражает особых эмоций, ведь для него это просто восстановление должного положения вещей. Если говорить о взаимоотношениях кота и членов семьи, то у него нет никаких предпочтений в смысле гендерном. Можно лишь отметить, что наиболее связаны с котом дети. Не случайно, когда Мури появляется вновь, взрослые просто поражены произошедшим, а дети воспринимают это как нечто естественное и начинают играть с котом, как это бывало раньше. Однако нельзя сказать, что гендерная принадлежность героя вовсе не имеет значения в романе, и оно особенно ярко выявляется в эпизоде с сараевской кошечкой. Она олицетворение спокойствия, благополучия. Он же путник, искатель и борец, не привязанный к удобному жилищу и благоприятным условиям. В этом смысле перед нами «кот, гуляющий сам по себе». Однако в другом отношении это не так: герой не гуляет сам по себе, а проходит путь в поисках утраченного «царства», в том числе и людей, в него входивших, и далеко не все места «для него одинаковы», как для героя Киплинга.

Взаимоотношения человека и кота в произведении Хиро Арикавы изначально строятся на основе своеобразного договора: Сатору предлагает коту дом, еду, доброе отношение, а Нана в ответ соглашается стать именно его котом. Правда, при этом ставит условие — сохранение свободы, возможность выходить из дома и возвращаться. Даже когда кот находится в переноске, он может открыть дверцу и выйти, и если он остаётся на месте, то лишь потому, что считает это нужным. В этом отношении Нана — достойный наследник традиций киплинговского кота, который гулял сам по себе: тот тоже заключил договор с людьми, при этом сохранив свободу. С другой стороны, весь путь Нана определяется его преданностью человеку. Пусть он сам решает, выходить ли ему из переноски, и сам определяет, оставаться ли у друзей Сатору или ехать с ним дальше, но его решение каждый раз мотивируется привязанностью к хозяину. Коту Нана нужны не плед и миска с едой: он, будучи в прошлом бродячим, уверен, что всегда сможет найти себе пристанище и пропитание. Ему нужен человек, причём далеко не любой — именно Сатору, который становится в романе во-

плошением духовной красоты, мудрости, добра... и одиночества. В нём нуждаются и люди, с которыми его когда-либо сталкивала жизнь: Коскэ, Ёсиминэ, Тикако и Сюсукэ. Но в то же время у каждого из них — своя дорога, лишь кот полностью объединяет собственный путь с судьбой Сатору, у них одна жизнь, одна судьба, одно странствие. Действительно, у героев много общего: брошенный когда-то в младенчестве ребёнок и бродячий кот — оба проходят свой путь, проявляя спокойствие, мудрость, способность помочь другим. Кот Нана, как и Мури, не совсем «гуляющий сам по себе», оба они и свободны в своих решениях, и в то же время связаны с человеком, но при этом связаны по-разному.

Это различие подчёркивается, в частности, эпизодами поисков кота, которые есть в обоих произведениях: животное оказывается невидимым для человека в высокой траве. В романе И. Бояшова Мури намеренно прячется в траву, когда на общину Якова нападает банда. Когда же опасность больше не грозит, Яков склоняется над травой, ища кота, и тот сразу же позволяет себя найти. Старик справедливо объясняет это тем, что кот никуда не уйдёт от еды и от того, кто обеспечивает ему еду. В романе Х. Арикавы кот Нана оказывается в высокой траве, желая побыть в «травяном море», ему хочется новых ощущений, а Сатору теряет его из виду и очень пугается — тогда коту приходится не просто дать себя найти, а приложить массу усилий, чтобы хозяин мог его отыскать. Причём мотивировка поведения Нана совершенно иная, чем у Мури. В романе Х. Арикавы кот постоянно, в том числе и в данном эпизоде, беспокоится о хозяине, стремится всё время быть рядом и поддерживать его, потому что чувствует: человеку будет без него плохо, поскольку тот слишком сильно к нему привязан. В восприятии японской писательницы кот — мудрое и преданное существо, чувствующее психологическую связь с хозяином. Это черта, которую мы обычно считаем присущей собакам, однако в романе Х. Арикавы кот проявляет не меньшую верность и любовь к человеку: «Как я могу оставить тебя, Сатору, ведь ты так любишь меня?» [Арикава, 2020]. И. Бояшов изображает кота в рамках иной, более привычной для нас традиции: принято считать, что если собака любит человека, то кот лишь позволяет человеку о себе заботиться, а сам относится к нему потребительски. Путь Мури — это дорога, на которой люди становятся спутниками, помощниками, иногда — врагами. Путь Нана — это дорога к человеку и вместе с человеком.

3.4. Цели странствий героев в «Пути Мури» и «Хрониках странствующего кота»

Путь, как правило, начинается по определённой причине и ведёт к определённой цели. В романе И. Бояшова герой начинает странствие

в поисках хозяев, которые в панике покинули дом с началом войны. «Мне нужны миска, плед и двуногие, которые бы мне прислуживали» [Бояшов, 2007, с. 24], — говорит Мури и отправляется в путь, чтобы вернуть утраченное, восстановить тот облик окружающего мира, который для него привычен, оправдан, правилен.

В романе Хиро Арикавы путь героев начинается по инициативе человека. Сатору, зная о своей смертельной болезни, приезжает к друзьям с просьбой приютить его кота, правда, не объясняя причины. На первый взгляд представляется: он не хочет, чтобы Нана с грустью видел, как медленно угасает хозяин. Однако в итоге каждого из «странствий» выясняется, что в глубине души Сатору не стремится расставаться с другом, как и тот не желает оставаться с кем-то другим. Оба вроде бы прокладывают путь к новой жизни для Нана, а на самом деле каждый раз восстанавливают прежнее положение вещей: вроде бы приготовившись расстаться, вновь воссоединяются и остаются вместе. Оба в душе как будто стремятся вернуться к прежней жизни, когда их дружбу ничто не омрачало. Поэтому можно сказать, что в обоих романах путь главных героев, по сути, мотивируется желанием вернуть и продлить ту жизнь, которая давала им чувство устойчивости бытия, ощущение должного, а значит, и счастья.

Весьма показательным, что в обоих произведениях образ кота тесно связан с образом дома, который становится, по сути, истинной целью пути. В романе Х. Арикавы Сатору, будучи ещё ребёнком, потерял приёмных родителей и остался на попечении тёти Норико. Одновременно ему пришлось попрощаться и с котом Хаги, которого тётя отдала родственникам, не поняв, что он имел для Сатору очень большое значение, причём не только потому, что тот любил животное, но и потому, что кот был, так сказать, последним членом семьи, который оставался у Сатору после страшной трагедии. Не случайно мальчик так хотел потом снова увидеть его и так страдал, когда он впоследствии погиб. Норико, для которой кот — это просто животное, лишь потом постепенно осознаёт, что для её племянника это своеобразный символ настоящего дома, который он утратил и который ему всей душой хотелось бы вернуть. И когда у Сатору появляется новый кот Нана, так похожий на прежнего, он как будто заново обретает дом, в каком-то смысле возвращается на много лет назад. И неудивительно, что герой не хочет расставаться с котом, несмотря на трагические обстоятельства, для него это всё равно что расстаться с домом в психологическом смысле — с ощущением уюта, жизненной устойчивости и *неодиночества*. И для Коскэ, друга Сатору, кот ассоциируется с теми же ценностями, а потому порождает надежду на то, что не разрушится его семья, что у него будет дом, в котором воцарятся любовь и согласие. Норико когда-то отдала кота родственникам, потому что часто меняла

место жительства и считала невозможным держать у себя животное. Она не была привязана к дому, не стремилась создать семью, обустроить вокруг себя уютное, родное пространство. Однако к концу романа именно Норико берёт к себе Нана, видя в этом нравственный долг перед племянником, а впоследствии ещё и подбирает котёнка на улице. Общение с Нана меняет её характер, её взгляд на многие вещи, она перестаёт быть одинокой и самодостаточной, у неё появляется дом, в котором её ждут живые существа, нуждающиеся в заботе, обладающие чувствами, способные к общению. В Норико, которая ранее представлялась жёсткой, несентиментальной, проявляются неожиданные качества: доброта, способность к пониманию, заботе. Как пишут исследователи, животное в литературе зачастую осмысливается «как дар судьбы, дающийся героям для того, чтобы проявить свою сущность» [Божкова и др., 2018, с. 13]. В итоге перед нами квартира Норико, в которой она даёт приют Нана, заботится о нём, а он, в свою очередь, «воспитывает» маленькую кошечку Микэ — это уже не просто место проживания, это уже дом, в котором царит атмосфера добра и взаимопонимания. Итак, в романе Х. Арикавы привязанность к коту становится для человека шагом на пути к обретению дома.

В романе «Путь Мури» разрушен дом — разрушена привычная жизнь людей. Их путь — дорога бед и потерь. Оставляя развалины дома, они вынуждены оставить и Мури, в панике спасаясь от войны. Их жилище под Гётеборгом изображено как нечто безликое: это домик барачного типа, в какие обычно селят вынужденных эмигрантов. В его описании нет «домашности», теплоты. Однако когда к людям возвращается кот, картина преобразуется: кресло, около него — кот, улёгшийся на свой плед, и дети, глядящие Мури. Это уже не один из однотипных барачков — это уже дом. Не случайно в славянском фольклоре образ кота имеет «черты домашнего покровителя» [Гура, 2019, с. 343]. Как говорил Болислав Зонжич — двойник Мури, всё время находящийся в дороге, — каждому нужен дом как цель пути, пристанище, по-настоящему родное. Это желание восстановить «гармоничный космос» в противовес хаосу [Мережинская, 2013, с. 14].

Мури возвращается к своему пледу и миске с молоком, Нана возвращается домой вместе с Сатору и остаётся с хозяином до конца. Если для Мури ощущение дома — это его «царство» и «прислуживающие» ему «двуногие», то для Нана быть на руках у Сатору — это и означает быть дома. Как видим, в понятие дома эти персонажи вкладывают разный смысл, но для обоих именно настоящий дом является целью пути.

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования мы пришли к принципиально значимому выводу о том, что в анализируемых произведениях явственно выражена

концепция пути как внутренней сути жизни. В обоих случаях этот путь воплощается как в пространственном плане, так и во временном, а также в психологическом. Пространство, время и духовная реальность — три аспекта бытия, которые связываются обоими авторами с категорией пути, а она нередко рассматривается в литературе как «перемещение в пространстве и “внутреннее восхождение”» [Корзун, 2011, с. 63].

Каждый из героев «Пути Мури» идёт к чему-то или же просто движется вперёд — в любом случае дорога героев и составляет их жизнь. Не случайно «мотив пути — один из знаковых в творчестве писателя» [Чернакова, 2014]. Мури движется в пространстве в поисках утраченного, но он совершает движение и во времени: находя «своих двуногих» под Гётеборгом, он как бы возвращается в прежние времена, когда у него было собственное «царство». Это «виток спирали» — возвращение к прежнему миру, правда, трансформированному на новом этапе бытия. С точки зрения психологической Мури тоже проделал определённый путь: познал разные типы, разные жизненные позиции и людей, и животных, прошёл испытание дорогой, подтвердив право на собственное «царство». В «Хрониках странствующего кота» Сатору отправляется в путь в прямом смысле, ища нового хозяина для Нана, но одновременно проходя и другой путь — в прошлое, оживающее в воспоминаниях и диалогах. Кот тоже перемещается и в пространстве, переезжая вместе с человеком из одного места в другое, и во времени, слушая о детстве и юности хозяина, а также проделывает и путь в смысле психологическом — приближается к наиболее полному познанию сущности характера хозяина: выясняются подробности его судьбы, его взаимоотношений с окружающими, и всё это бросает новый отсвет на его личность. Этот путь и составляет жизнь Нана: не случайно в романе не описано его существование до встречи с Сатору, но после смерти Сатору Нана чувствует, что его путь практически пройден, ему остаётся лишь передать жизненный опыт маленькой кошечке Микэ: «Как только Микэ выучится самостоятельности, думаю, я смогу отправиться в свое последнее странствие» [Арикава, 2020], — говорит Нана во сне своему хозяину, мечтая вновь странствовать с ним вместе, но уже в вечности.

Таким образом, концепция жизни как пути в нескольких аспектах — в пространственном, временном, психологическом — объединяет произведения И. Бояшова и Х. Арикавы, причём в них понятие пути как философской категории оказывается применимым не только к человеку, но и к животному. «Все имеют право на свой путь», — так говорил в своём интервью И. Бояшов [Бондаренко, 2007], и для всех он заключает в себе внутреннюю суть жизни.

Источники

1. *Арикава Х.* Хроники странствующего кота / Х. Арикава ; перевод с японского Г. Дуткиной. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 314 с. — ISBN 978-5-389-17643-0.
2. *Бондаренко В.* «Пишу роман о войне». Беседа с И. Бояшовым [Электронный ресурс] / В. Бондаренко // Завтра : [газета]. — 27.06.2007. — № 26 (710). — Режим доступа : http://www.litkarta.ru/dossier/pishu-roman-o-voine/view_print/ (дата обращения 12.08.2021).
3. *Бояшов И. В.* Путь Мури / И. В. Бояшов. — Санкт-Петербург, Москва : Лимбус Пресс, 2007. — 232 с. — ISBN 978-5-8370-0471-1.

Литература

1. *Баева Л. В.* Аксиология буддийского мировоззрения / Л. В. Баева // Буддийская культура и мировая цивилизация : Материалы третьей Российской научной конференции. — Элиста : КалмГУ, 2003. — С. 33—39.
2. *Божкова Г. Н.* Анималистические образы в современной детской прозе / Г. Н. Божкова, И. Г. Шабалина, А. Г. Шайхлисламова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 5 (83). — Часть 1. — С. 13—16. — DOI: d10.30853/filnauki.2018-5-1.2.
3. *Галай К. Н.* О дискуссии вокруг компаративистики [Электронный ресурс] / К. Н. Галай // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 6. — С. 313—315.
4. *Гордеева З. А.* Образ кошки в современной культуре / З. А. Гордеева // Гуманитарные исследования. — 2016. — № 1 (10). — С. 112—114.
5. *Гура А. В.* Символика кошки в славянской народной традиции / А. В. Гура // Славянский альманах. — 2019. — № 1—2. — С. 335—370. — DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.5.01.
6. *Жиндеева Е. А.* Ассоциативно-эмотивное представление образа кота в творчестве Н. Рузанкиной : традиции и новаторство / Е. А. Жиндеева, Ю. И. Щанкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2014. — Т. 16. — № 2 (4). — С. 931—937.
7. *Зайцев Д. М.* Паломничество в буддизме : истоки, традиция, особенности / Д. М. Зайцев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. — 2017. — № 15. — С. 127—131.
8. *Киселёва М. С.* Кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре / М. С. Киселёва // Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (16). — С. 107—110.
9. *Кондаков И. В.* «Кот учёный» в русской и мировой культуре / И. В. Кондаков // Международный журнал исследований культуры. — 2014. — № 4 (17). — С. 125—136.
10. *Корзун А. Ю.* Мотив пути в романе В. Набокова «Подвиг» [Электронный ресурс] / А. Ю. Корзун // Сборник работ 67 научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. 17—20 мая 2010 г., Минск. В 3 ч. — Минск : Издательский центр БГУ, 2011. — Ч. 2. — С. 63—67. — ISBN 978-985-476-912-7 (ч. 2).
11. *Мережинская А. Ю.* Знаковый код и стратегия мифологизации в романах Ильи Бояшова / А. Ю. Мережинская // Русская литература. Исследования : Сборник научных трудов. — Киев : Логос, 2013. — Выпуск XVII. — С. 4—23.

12. Мостепанов А. А. Значимость гендерной идентификации персонажей в сказке Р. Киплинга «Кот, который гулял сам по себе» / А. А. Мостепанов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 25 (240). Филология. Искусствоведение. — С. 108—111.
13. Сомкина Н. А. Общая сравнительная характеристика зооморфной символики Китая и Японии / Н. А. Сомкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. — 2008. — Выпуск 1. — С. 102—104.
14. Урбанаева И. С. Буддийский подход к проблеме человека в сравнительном освещении [Электронный ресурс] / И. С. Урбанаева // Философская мысль. — 2016. — № 9. — С. 1—17. — DOI: 10.7256/2409-8728.2016.9.20457.
15. Чернакова Е. Диагноз обществу от И. Бояшова [Электронный ресурс] / Е. Чернакова // Около : [арт-журнал]. 19.02.2014. — Режим доступа : <https://okolo.me/2014/02/diagnoz-obshhestvu-ot-i-boyashova/> (дата обращения 12.08.2021).
16. Чупринин С. Русская литература сегодня. Новый путеводитель / С. Чупринин. — Москва : Время, 2009. — 816 с. — ISBN 978-5-9691-0408-2.
17. Шайтанов И. О. Триада современной компаративистики : глобализация — интертекст — диалог культур / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 2005. — № 6. — Ноябрь—декабрь. — С. 130—137.
18. Шапинская Е. Н. Образ Животного в текстах культуры / Е. Н. Шапинская // Культура культуры. — 2017. — № 4. — С. 57—72.
19. Щербатской Ф. И. Буддийская логика. Введение / Ф. И. Щербатской // Избранные труды по буддизму. — Москва : Наука, 1988. — С. 54—111.

Material resources

- Arakawa, H. (2020). *Chronicles of a Wandering Cat*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka Atticus. 314 p. ISBN 978-5-389-17643-0.
- Bondarenko, V. (27.06.2007). "I'm writing a novel about the war." Conversation with I. Boyashov. *Tomorrow: [newspaper]*, 26 (710): Available at: http://www.litkarta.ru/dossier/pishu-roman-o-voine/view_print/ (accessed 12.08.2021). (In Russ.).
- Boyashov, I. V. (2007). *The Way of Muri*. Saint Petersburg, Moscow: Limbus Press. 232 p. ISBN 978-5-8370-0471-1. (In Russ.).

References

- Baeva, L. V. (2003). Axiology of the Buddhist worldview. In: *Buddhist culture and world civilization: Materials of the third Russian Scientific Conference*. Elista: KalmSU. 33—39. (In Russ.).
- Bozhkova, G. N., Shabalina, I. G., Shaikhislamov, A. G. (2018). Animalistic images in modern children's prose. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 5 (83) / 1: 13—16. DOI: d10.30853/filnauki.2018-5-1.2. (In Russ.).
- Chernakova, E. (19.02.2014). Diagnosis to society from I. Boyashov. *About: [art magazine]*. Available at: <https://okolo.me/2014/02/diagnoz-obshhestvu-ot-i-boyashova/> (accessed 12.08.2021). (In Russ.).
- Chuprinin, S. (2009). *Russian Literature today. New guidebook*. Moscow: Vremya. 816 p. ISBN 978-5-9691-0408-2. (In Russ.).
- Galay, K. N. (2011). On the discussion around comparative studies. *Theory and practice of social development*, 6: 313—315. (In Russ.).

- Gordeeva, Z. A. (2016). The image of a cat in modern culture. *Humanitarian studies*, 1 (10): 112—114. (In Russ.).
- Gura, A. V. (2019). The symbolism of the cat in the Slavic folk tradition. *Slavic Almanac*, 1—2: 335—370. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.5.01. (In Russ.).
- Kiseleva, M. S. (2017). The cat as a personification of the family guardian spirit in modern Russian folklore. *Humanitarian studies*, 3 (16): 107—110. (In Russ.).
- Kondakov, I. V. “The cat scientist” in Russian and world culture. *International Journal of Cultural Studies*, 4 (17): 125—136. (In Russ.).
- Korzun, A. Yu. (2011). The motive of the path in V. Nabokov’s novel “Feat”. In: *Collection of works of the 67th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University. May 17—20, 2010, Minsk. At 3 o’clock*, 2. Minsk: Publishing Center of BSU. 63—67. ISBN 978-985-476-912-7 (part 2). (In Russ.).
- Merezhinskaya, A. Yu. (2013). The sign code and the strategy of mythologization in the novels of Ilya Boyashov. In: *Russian Literature. Research: Collection of scientific papers, XVII*. Kiev: Logos. 4—23. (In Russ.).
- Mostepanov, A. A. (2011). The significance of gender identification of characters in R. Kipling’s fairy tale “The Cat who walked by himself”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 25 (240). *Philology. Art Criticism*: 108—111. (In Russ.).
- Shaitanov, I. O. (2005). Triad of modern comparative studies: globalization — intertext — dialogue of cultures. *Questions of literature*, 6. November-December: 130—137. (In Russ.).
- Shapinskaya, E. N. (2017). The image of an Animal in the texts of culture. *Culture of culture*, 4: 57—72. (In Russ.).
- Shcherbatskoy, F. I. (1988). Buddhist logic. Introduction. In: *Selected works on Buddhism*. Moscow: Nauka. 54—111. (In Russ.).
- Somkina, N. A. (2008). General comparative characteristics of zoomorphic symbols of China and Japan. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 9*, 1: 102—104. (In Russ.).
- Urbanaeva, I. S. (2016). Buddhist approach to the human problem in comparative illumination. *Philosophical Thought*, 9: 1—17. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.9.20457. (In Russ.).
- Zaitsev, D. M. (2017). Pilgrimage in Buddhism: origins, tradition, features. *Bulletin of the Pologsk State University. Series E. Pedagogical sciences*, 15: 127—131. (In Russ.).
- Zhindeeva, E. A., Shchankina, Yu. I. (2014). Associative-emotive representation of the image of a cat in the work of N. Ruzankina: traditions and innovation. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 16 / 2 (4): 931—937. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.11.2021,
одобрена после рецензирования 13.01.2022,
подготовлена к публикации 12.03.2022.